

Примеч.,

Заметки о туристах и сторонних наблюдателях сибирской жизни

Сокр.: А. П. Чехов. Из Сибири. Читки, 1946, с. 105-106) А зр в изд. 392?

Начало: в. н. в.
т. 19-15 с. 105, 106
сборник с. 76-77

Перенес. ли?
с сокр:
Из Сибири
1946, с. 105

С. 10 Эх, господин Птицын, пора бы, кажется, научиться разсматривать вещи при их действительном освещении, а не сваливать всё в одну кучу. Больше беспристрастные наблюдатели, а главное больше внимательные и не считающие нужным при всяком удобном и неудобном случае кричать об эксплуатации, свидетельствуют совсем другое о душевных качествах сибирского крестьянина. Недавно на столбцах «Нового Времени» появился ряд писем о Сибири известного русского беллетриста А. П. Чехова. Вот, например, каким образом в своем третьем письме А. П. Чехов рассказывает на ту же тему, как и г. Птицын. Дядю просят в селении на тракте между Тюменью и Томском у дружка:

«Слышится детский плач. Теперь только я замечая, что между кроватью и печью висит маленькая люлька. Хозяйка бросает тесто и бьется в горницу.

Однако, какой у нас случай, купец! говорить она мне, качая люльку и кротко улыбаясь. Месяца два назад пришла к нам из Омска мещанка с ребенком... Барыней здыта, однако... Ребеночка она родила в Тюменских, там и крестила; послѣ родов-то в дороге разнемоглась и стала жить у нас вот в этой горнице. Говорить, что замужняя, а кто ее знает? На лицѣ не написано, а паспорта при ней нѣтъ. Можетъ, ребеночек незаконный...

— Не наше дѣло судить, бормочет дѣдушка.
— Прожила она у нас пѣдѣлю, продолжает хозяйка, — потом и говорить: «Я поѣду в Омскъ къ мужу, а мой Саша пусть у насъ останется; и за нимъ черезъ недѣлю прѣйду. Теперь боюсь какъ-бы не замереть дорогой... Я ей и говорю:— «Послушай, сударыня, Богъ послать людямъ дѣтей, кому десять, кому и двѣнадцать, а меня съ хозяйномъ наказалъ, ни одного не далъ; оставь намъ своего Сашу, мы его себѣ в сночки возьмемъ». Она подумала и говорит:— «Однако, погодите, я мужа своего спрошу и черезъ недѣлю вамъ письмо пришлю. Безъ мужа не смѣю». Оставила намъ Сашу и уѣхала. И вотъ ужъ два мѣсяца прошло, а она ни сама не ѣдетъ, ни письма не шлетъ. Наказаніе Господне. Полюбили мы Сашу, какъ родного, а сами теперь не знаемъ, нашъ онъ или чужой.

— Надо вамъ этой мѣщанкѣ письмо написать, сошлѣтую я.
— Стало быть, надо! говорить изъ сѣней хозяйка.
Онъ, входя въ горницу и молча смотреть на меня: не дамъ-ли я еще какого-нибудь совѣта?

— Да какъ ты ей напишешь? говорить хозяйка. Фамиліи своей она намъ не сказывала. Марья Петровна—вотъ и все. А Омскъ, тоже сказать, городъ большой, не найдешь ея тамъ. Ищи вѣтра въ полѣ!

— Стало быть, не найдешь, соглашается хозяйка и смотреть на меня такъ, какъ будто хочетъ сказать: «помоги-же Бога ради!»

— Привыкли мы къ Сашѣ, говорить хозяйка, давая ребенку соску. Закричитъ днемъ, или ночью, и на сердцѣ иначе станеть, словно и баба у насъ другая. А вотъ неровенъ часъ, вернется та и возьметъ отъ насъ...

Глаза хозяйки краснѣютъ, наливаяются слезами и она быстро выходитъ изъ горницы. Хозяинъ киваетъ ей вслѣдъ, усмѣхается и говорить:

— Привыкла... Известно, жалко!
Онъ и самъ привыкъ, ему тоже жалко, но онъ мужчина и сознаться ему въ этомъ не ловко.

Какіе хорошіе люди! Пока я пью чай и слушаю про Сашу, мои вещи лежатъ на дворѣ, въ возкѣ. На вопросъ, не украдутъ-ли ихъ, мне отвѣчаютъ съ улыбкой:

— Кому-же тутъ красть? У насъ и ночью не крадутъ».

Описанія г. Чехова нельзя упрекнуть ни въ сентиментальности, ни въ какой-либо тенденціозности. Онъ рассказываетъ лишь то, что самъ видѣлъ и слышалъ, а главное понялъ. Все рассказы его отличаются крайнею простотою, но они глубоко правдивы и реальны. Его симпатіи всегда на сторонѣ трудовой, честной жизни. Онъ беретъ людей такими, какими ихъ создали суровая природа края, ихъ тяжелый упорный трудъ, своеобразныя условія жизни. Во 2-мъ письмѣ мы находимъ слѣдующую маленькую сценку, изъ которой, какъ живая, немногими штрихами вырисовывается фигура сибирского «дѣда»:

«Подъѣзжаемъ къ рѣкѣ. Надо переправляться на ту сторону на паромѣ. На берегу ни души.

— Увидели на ту сторону, язви ихъ душу! говорить возница. — Давай, ваше благородіе, ревьте.

Кричать отъ боли, плакать, звать на помощь, вообще звать—здѣсь значитъ ревьте, и потому въ Сибири ревуть не только медвѣди, но и воробьи и мыши. «Попалась кошкѣ—и реветъ», говорить про мышь.

Начинаемъ ревьте. Рѣка широкая, въ потемкахъ не видно того берега... Отъ рѣчной сырости стынуть ноги, потомъ все тѣло... Ревемъ мы полчаса, часъ, а паромъ все нѣтъ. Надоѣдаютъ скоро и вода, и звѣзды, которыми усыпано небо, и эта тяжелая, гробовая тишина. Отъ скуки разговариваю я съ дѣдомъ и узнаю отъ него, что женился онъ 16 лѣтъ, что у него было 18 дѣтей, изъ которыхъ умерло только трое, что у него живы еще отецъ и мать; отецъ и мать—«киржаки», т. е. раскольники, не курятъ и за всю свою жизнь не видали ни одного города, кромѣ Ишима, а онъ, дѣдъ, какъ молодой человекъ, позволяетъ себѣ побаловаться—курить. Узнаю отъ него, что въ этой темной, суровой рѣкѣ водятся стерляди, нельмы, налимы, щуки, но что ловить ихъ некому и нечѣмъ».

2.10

ь старается отбѣнить то обстоятельство, что это гусь, а не сибирякъ старожилъ. По словамъ г. не обладаетъ такими нѣжными чувствами; въ всякаго-то ребенка онъ уже никогда не возьметъ рикъ видѣть въ инородцѣ лишь «тварь».

А вотъ еще одна сценка изъ того же письма. Рѣчь идетъ о поселенцахъ, столь милыхъ сердцу другихъ сентиментальныхъ писателей. Г. Чеховъ рисуетъ ихъ яркими красками, немногими, но точными и выпуклыми штрихами:

«Вѣзжаемъ на паромъ. Перевозчики, бранясь, берутся за весла. Это нѣбѣтные крестьяне, а селыные, присланные сюда по приговору обществу за порочную жизнь. Въ деревнѣ, гдѣ они приписаны, имъ не жилось—скучно, пахать землю не умѣютъ или отвыкли, да и не мила чужая земля, и пошла они сюда на перевозъ. Лица у нихъ испитыя, истасканные, битыя. А какія выраженія на лицахъ. Видно, что эти люди, пока плыли сюда на арестантскихъ баржахъ, скованные по-парно наручниками, и пока шли этапомъ по тракту, ночуя въ избахъ, гдѣ ихъ тѣло невыносимо жгли клопы, одеревенѣли до мозга костей, а теперь, болтаясь день и ночь въ холодной водѣ и не видя ничего, кромѣ голыхъ береговъ, навсегда утратили все тепло, какое имѣли, и осталось у нихъ въ жизни только одно: водка, дѣвка, дѣвка, водка... На этомъ свѣтѣ они уже не люди, а анѣри, а по мнѣнію дѣла, моего возница, и на томъ свѣтѣ имъ будетъ худо: пойдутъ за грѣхи въ адъ».

Обратимся теперь къ другой статьѣ «Русскаго Обозрѣнія». Она принадлежитъ перу извѣстнаго русскаго публикѣ Л. Тихомірова. Былъ-ли онъ когда-либо въ Сибири мы не знаемъ, хотя, конечно, справку навести можно-бы было. Но что онъ знакомъ со многими, бывавшими въ Сибири, а также и съ различными статейками о Сибири—это видно изъ самой его замѣтки, которал говоритъ о книгѣ англичанина де-Уинда, проѣхавшагося по Сибири (H. de Windt, From Pekin to Calais by Land. London. 1889). Де Уиндъ не зналъ русскаго языка, поэтому его наблюденія надъ жизнью въ Сибири страдаютъ большими неточностями и даже нелѣпостями. Г. Л. Тихоміровъ указываетъ на нѣкоторыя изъ такихъ нелѣпостей, какъ напримѣръ на сообщеніе о томъ, что значительная часть населенія Иркутска состоитъ изъ политическихъ ссыльныхъ. Но другія поправки г. Тихомірова совершенно напрасны: г. Тихоміровъ оспариваетъ англійскаго автора какъ разъ тамъ, гдѣ послѣдній правъ, и изпротивъ соглашается съ нимъ тамъ, гдѣ де-Уиндъ городитъ вздоръ. Приведемъ два наудачу взятые примѣра.

Съ перваго шага на русскаго территоріи въ Кяхтѣ, г. де-Уиндъ очутился въ положеніи нѣмого, глухаго и полу-слѣпаго, благодаръ, очевидно, отсутствію какихъ-либо рекомендацій и отчасти незнакомству съ русскимъ языкомъ. Онъ не находитъ себѣ мѣста гдѣ-бы отдохнуть, не находитъ чего поѣсть. Всему этому легко повѣрить, зналъ что въ Кяхтѣ или въ Троицкосавскѣ существуетъ всего на все одна гостинница, да и та прескверно обставленная, гдѣ притомъ за всякую мелочь дерутъ въ три-дорога. Тѣмъ болѣе весьма удивительно, почему г. Тихоміровъ восклицаетъ: «Это въ Кяхтѣ-то! Ужъ кажется—чего другаго, а ѣсть и пить въ Кяхтѣ умѣютъ!» Да, конечно, умѣютъ не только сами вкусно ѣсть и сладко пить, но и другихъ съумѣютъ угостить на славу, если только эти другіе—важные и нужные чиновники изъ Читы, или изъ Иркутска,—или знатные иностранца. Простому-же, скромному ученому, или артисту,—въ Кяхтѣ, привыкшей все измѣрять рублями или знами, негдѣ найти гостепрѣимства. Встрѣтилъ-ли его г. де-Уиндъ, не читая его книги, мы сказать не можемъ. Но что Кяхта мало интеллигентна, что тамошнее общество, не смотря на огромное доволство и изобиліе благъ земныхъ, не живетъ умственной жизнью—въ этомъ напрасно г. Тихоміровъ исправляетъ англійскаго автора. Можетъ быть взгляды де Уинда выражены и въ слишкомъ рѣзкой формѣ; можетъ быть англичанинъ дѣйствительно подчинился вліянію первыхъ попавшихся ему нѣмца и поляка, питающихъ ненависть къ кяхтинскому купечеству. Кто говорить, все это можетъ быть, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что полякъ или нѣмецъ, очутившійся по своей волѣ или по неволѣ въ Сибири, не нашли здѣсь того, что хотѣли найти, и стали злостновать. Изъ этого мутнаго источника получилось, безъ сомнѣнія, у де-Уинда сравненіе кяхтинскаго общества съ дикарями центральной Австраліи. Но въ общемъ культурность кяхтинцевъ не ахти какъ высока, ихъ нравы и времяпрепровожденіе могутъ и безъ внушенія нѣмцевъ и поляковъ поразить всякаго свѣжаго человѣка. Кяхтинцамъ не достаетъ главнаго: широкаго всесторонняго образованія, недостаетъ знаній; у нихъ нѣтъ ни дѣйствительной любви къ искусству, ни уваженія ко всему тому, что выходитъ изъ предѣловъ узко-матеріальныхъ интересовъ. Этихъ вещей не привьетъ кяхтинцамъ никакая калганско-ляндцинская культура англійскихъ коммерсантовъ, не приобретутся онъ также и поѣздками въ Москву и Нижній. Умственная отсталость Кяхты, при всѣхъ внѣшнихъ удобствахъ европейской культуры, при роскошномъ комфортѣ жизни, должна поражать заѣзжаго иностранца, какъ поразятъ его, безъ сомнѣнія, и нѣкоторыя выдающіяся особенности

В. А. О — ВЗ (В. А. Ошурков),

редакторъ "В. Д."